

Зоя Дашевская

Анализ рассказа Ф.М. Достоевского «Скверный анекдот».

(Работа по курсу «Методология современного литературоведения»)

(Достоевский Ф.М. Скверный анекдот / Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 5. М., Издательство «Наука», 1973. С. 5 — 45)

Рассказ Ф.М. Достоевского «Скверный анекдот» относится к 1862 г., первоначальное его название — «Несчастный случай». Фабула рассказа такова: генерал Пралинский с такими же как и он, двумя генералами, за домашним застольем обсуждает «новые порядки» (читай — реформы) и после ужина, изрядно выпив, преисполнившись либеральных идей, заявляется непрошеным гостем на свадьбу к мелкому чиновнику своего департамента Пселдонимову, который женится на девице Млекопитаевой. Желание облагодетельствовать своего подчиненного оказывается «вывернуто на изнанку», свадьба превращается в балаган, брачное ложе отдают пьяному Пралинскому, а первая брачная ночь совершенно расстраивается. Итог таков: Пралинский «не выдержал» задуманной высоты своего благоденствия.

Пародийность в рассказе Достоевского присутствует с самого начала. Достоевский пародирует позу «учителя», «просветителя», апеллирующего к новозаветному материалу (укажем на противоположность «Скверный анекдот» – «Благая весть»). Библейские аллюзии присутствуют как несомненный авторский ход. Беседа «трех мужей» наводит на мысль об аллюзии с «*предвечным советом*»; хозяин дома, Степан Никифорович Никифоров, очевидно, старше двух других персонажей, но все трое в некоторой степени уравниваются: «Эти три мужа были все трое в генеральских чинах». Семен Иванович Шипуленко и Иван Ильич Пралинский, однако, также имеют некую степень равенства («оба прежние сослуживцы Никифорова»). Идея посетить свадьбу своего подчиненного предполагает аллюзию на присутствие Христа на свадьбе в Кане Галилейской и о чуде претворения Им воды в вино. Намек на «*новое вино и новые мехи*» в связи с либеральными идеями снова отсылает нас к Евангелию, на этот раз к Евангелию от Марка, где в форме притчи говорится о совместимости старого и нового — если мехи старые, то новое вино их разрывает, и погибают и вино, и мехи. Обрывки пьяных мыслей Пралинского также содержат некоторые намеки на евангельские темы: «Человек мой, так сказать, *уловлен сетями*», - Пралинский ощущает себя прямо-таки апостолом, «*ловцом человеков*», но при этом «и я делаю с ним всё, что хочу, для его же блага». Библейские аллюзии продолжают: «А ты, Порфирка, ее бей, когда женой тебе будет; в ней *семь бесов от рождения сидит. Всех изгони, клюку изготовлю...*» - это намек на Марию Магдалину, согласно евангельскому повествованию, блудницу, из которой Христос изгнал семь бесов. Злая старуха Млекопитаева заставляет Пселдонимова выпить *чашу желчи и оцта* («дали Мне в пищу желчь и в жажде Моей напоили Меня уксусом» - намек на крестные страдания Христа), что свидетельствует о моральных страданиях героя. Мать Пселдонимова, которая выглядит однозначно положительным персонажем (и в своей безусловной «положительности» поэтому несколько комичной) называется *сестрой милосердия*. В завершающей части рассказа следует прямой намек на евангельские события смерти Христа и сошествия во ад: «В эти *восемь дней* он выжил целый *ад*, и, должно быть, они *зачлись ему* на том свете». «Появление» Пралинского в канцелярии после инцидента происходит как явление Христа апостолам по Воскресении — на восьмой день.

Ю.Н. Тынянов в работе «Достоевский и Гоголь (к истории пародии)» показывает, как «Достоевский как бы пробует различные приемы Гоголя, комбинируя их». Тынянов определяет это явление как стилизацию, не *следование* за стилем Гоголя, но *игру* им; «стилизация, комически мотивированная или подчеркнутая, - говорит Тынянов, - становится пародией». «Здесь стилизация; здесь нет следования за стилем, а скорее игра им. И если

вспомнить, как охотно подчеркивает Достоевский Гоголя [...], как слишком явно идет от него, не скрываясь, станет ясно, что следует говорить скорее о стилизации». Достоевский использует этот прием, чтобы сохранить в рассказе «соответствие друг другу обоих планов: стилизующего и сквозящего в нем стилизуемого. Но все же от стилизации к пародии — один шаг; стилизация, комически мотивированная или подчеркнутая, становится пародией».

Советская критика отмечает, что образ старика Млекопитаева представляет собой вариант Фомы Опискина из «Села Степанчикова» (см. Примечания к т. 5, с. 354), а значит, по «схеме» Тынянова, может указывать на связь с «Избранными местами из переписки с друзьями». В пьяных мыслях Пралинского проносится: «...мне войти в первом часу ночи на свадьбу своего подчиненного...это — коловращенье идей, *последний день Помпеи*, сумбур! [...] Я обращаю *последний день Помпеи* в сладчайший день для моего подчиненного...». Н.В. Гоголю принадлежит статья, напечатанная в сборнике «Арабески» 1835 г., под названием «*Последний день Помпеи (о картине Брюллова)*».

В тексте рассказа содержится прямой намек на литературную связь с Гоголем: «Ну уж конечно, они меня посадят с самым важным гостем [...] Славно этих оригиналов *Гоголь описывал*». Достоевский сохраняет «гоголевские» фамилии — «Пселдонимов», «Млекопитаев». Возможно, что ругательства старика Млекопитаева в адрес несчастных женщин, которые заполнили весь его дом («все вы бабьё, а мне надоело одно бабьё») — это возведенная в степень реакция городничего из «Ревизора»: «Ну, уж вы - женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все — финтирлюшки!» Пародийным выглядит описание Млекопитаева и его родни; эти строки буквально «гоголевские»: «...не исключая и жены его, *родившейся с зубной болью*». Персонажи рассказа Достоевского — не «типы» Гоголя, но люди, чья душевная организация полна оттенков, несмотря на то, что наружности героев всё равно остаются «масками»: Пселдонимов, его невеста, старик Млекопитаев, его сварливая жена. Ю. Тынянов полагает, что «Достоевский как бы пробует различные приемы Гоголя, комбинируя их».

Пародийность позволяет Достоевскому сохранить в «Скверном анекдоте» отсылку к «Избранным местам...» («...сквозь произведение, - как пишет Тынянов, - просвечивает второй план, пародируемый»). Размышления на темы возможных благодеяний барина/начальника подчиненным (и не только) напоминает также второй том «Мертвых душ». Вот какие мысли проносятся в голове пьяного Пралинского: «Ведь я униженного нравственного подыму, я самому себе его возвращу...». «Истоки» этих пафосных рассуждений находятся в «Избранных местах из переписки с друзьями». Пралинский: «Правда, *святая правда прежде всего и откровенность!* Я откровенностью их дойму. Они мне поверят, я вижу ясно». «Ему захотелось [...] рассказать им всё откровенно, [...], какой он *добрый и славный человек*, с какими великолепными способностями. Как *будет он полезен отечеству*, как умеет смешить дамский пол и, главное, какой он прогрессист, *как гуманно он готов снизойти до всех...*». «Я скажу им о *назначении России* в числе прочих европейских держав» - прямая ссылка на «Нужно любить Россию» из «Избранных мест...». Гоголь из «Избранных мест...»: «Нет, *если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей*; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, - *последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете*, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни». Снова Гоголь из «Избранных мест...»: «Но *как полюбить братьев, как полюбить людей?* Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного! Как же сделать это?» Последнее особенно «близко» терзаниям Пралинского после провала его замысла.

Очевидно, что Достоевский пародирует Гоголя, облачившегося в одежды церковного проповедника. В «Размышлениях о Божественной Литургии» Гоголь, надо отдать ему должное, не просто поделился благочестивыми мыслями о богослужении, но представил полностью тексты так называемых «тайных» священнических молитв, о которых ни в одном катихизисе в то время не было написано, и прокомментировал их. В «Избранных местах из переписки с друзьями» просветительский пафос Гоголя становится безапелляционным.

Обращение к библейскому материалу, представленному «рассуждениями» Пралинского, также дает основания предполагать пародию на «Избранные места из переписки с друзьями». Насыщая речь Пралинского новозаветными аллюзиями, Достоевский пародирует гоголевскую стилизацию под церковную проповедь, показывая всю её неуместность. Пародийность «отеческого» пафоса героя рассказа Достоевского указывает также и на второй том «Мертвых душ».